

Размышления о смысле «неистребимы, как сама природа», они дают шанс построить «свободу для...». Л. С. Выготский писал, что как показали Локк, Лейбниц и все языкознание, *все слова* психологии суть метафоры, взятые из пространств мира. Можно, конечно, спорить: все ли слова в психологии суть метафоры, но то, что слову «смысл» психологи не дают строгого определения — несомненно. Не дал его определения и Выготский. Своеобразное оправдание отсутствия или неудовлетворительности определения понятия «смысл» мы находим у А. Н. Леонтьева. Эпиграфом к первой в отечественной психологии монографии «Психология смысла» Д. А. Леонтьев взял его слова: «Проблема смысла — это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии». Из содержания книги следует, что понятие смысла должно было бы быть первым и без него не может быть построено ни общее учение о психике, ни система психологии, если к науке вообще применим термин система. Дело даже не в том, будет ли понятие смысла исходным или венчающим, а в том, что смысл нужно (а нужно ли?) еще сделать понятием, а там уж, как Бог даст, будет ли это понятие аналитическим или синтетическим. Это не значит, что в психологии и в гуманитарном знании в целом отсутствует понятие смысла. Напротив. Таких понятий слишком много.

Д. А. Леонтьев, проанализировав множество определений (трактовок) смысла, высказывает предположение, что за понятием (точнее было бы сказать за словом-понятием) «смысл» скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначную дефиницию, а сложная и многогранная смысловая реальность¹. Думаем, что это не предположение, а констатация положения вещей

¹ Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999. С. 105.

с определением смысла. Определение понятия — вообще задача довольно трудная (и неблагодарная), а определение понятия смысл вызывает трудности беспрецедентные. Ведь в треугольнике Г. Фреге самое понятие есть сигнификат смысла: соответственно, смысл (слово), обозначающее смысл (денотат), есть смысл (понятие).

Чтобы не путаться в этих трех соснах, не станем вдаваться в споры о понятиях, а примем, что смысл — это не столько понятие, сколько концепт культуры. Ю. С. Степанов понимает его как «явление, родственное понятию, но отличающееся от него содержанием, формой, и сферой существования: его сфера — ментальный мир, не логика, а культура в любой из ее областей; его форма — не научный термин, а слово и словосочетание общего языка; его внутреннее содержание — достояние всего общества...»². Мы полагаем, что и Л. С. Выготский был далек от понятия «смысл», тем более от понятия аналитического. Аффективно-смысловые образования были для него культурной реальностью. Его версия культурно-исторической психологии — это, скорее, путь к пониманию смысла психики и сознания. Проиллюстрируем это положение.

Научная деятельность Л. С. Выготского началась с психологии искусства (рукопись одноименной книги датирована 1925 г.). Ее предмет и задачу он видел в изучении *эстетической реакции*, одной из разновидностей которой является катарсис. Можно, конечно, рассматривать такую трактовку предмета психологии искусства как дань времени, и объяснять ее его ранними увлечениями теорией условных рефлексов И. П. Павлова и реактологией К. Н. Корнилова. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» он подтверждает, что главный предмет его исследований в психологии искусства именно эстетическая реакция. Здесь уже подчеркивается важность задачи: «найти границы и смысл самой эстетической реакции внутри искусства»³. В конце книги «Психология искусства» Л. С. Выготский пришел к смыслу, в том числе и ко «второму смыслу» «Трагедии о Гамлете»: «Не разгадать загадку, а принять тайну, ощутить, почувствовать ее»⁴. Автор заключает, что незавершенность, недосказанность характеризуют не только произведе-

² Степанов Ю. С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2004. С. 9.

³ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 405—406.

⁴ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1996. С. 485.

ние искусства, но и его восприятие: «художественное восприятие *есть “испугавшееся”, прерванное* восприятие, не законченное; оно неизбежно приводит к иному, к восполнению слов трагедии молчанием»⁵. То есть к работе переживания — осмысления.

Ближайшие ученики Л. С. Выготского — А. В. Запорожец и Д. Б. Эльконин высоко ценили положения Выготского относительно объективности существования аффективно-смысловых образований, представленных в произведениях искусства и в других творениях людей. В свете этих положений понятно, почему Выготский утверждал, что переживание является единицей анализа сознания (точнее было бы сказать — источником сознания). С точки зрения бытующих ныне характеристик науки, подчеркивающих ее междисциплинарность при конструировании моделей, в которых синтезируются изыскания из разных областей знания, Выготский был классиком современной науки. Правда, его научное творчество было лишено сути последней, т. е. всеядности, эклектики и дилетантизма. О зоне ее ближайшего развития — науке, все дальше уходящей от смысла, даже подумать страшно.

Аналогично прослеживается путь к смыслу в книге «Мышление и речь». В начале книги в качестве общей единицы анализа обоих процессов — мышления и речи — автор выдвигает значение. Последнее на протяжении почти всей книги было и главным предметом интересных исследований. По ходу развития их логики и результатов, по ходу написания книги — ближе к ее концу — этот вариант перестал удовлетворять автора и акцент (скорее всего, незаметно для него самого) сместился со значения на смысл⁶. Возможно, он почувствовал нечто подобное тому, что выразил Р. М. Рильке: *Нам вовсе не так уж уютно / В мире значений и знаков.*

В статье «Проблема умственной отсталости», писавшейся, видимо, параллельно с упомянутой книгой, Л. С. Выготский, обсуждая взаимоотношения мышления и действия, рассматривает их как два вида деятельности, каждый из которых представляет собой динамическую смысловую систему⁷. Поскольку речь тоже — вид дея-

⁵ Там же. С. 491.

⁶ Зинченко В. П. Гетерогенез мысли: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета (продолжение разговора) // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 10.

⁷ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 1982. С. 250—251.

тельности, несомненно, эта характеристика распространяется и на нее. Эти положения связаны со скупой развернутой идеей Л. С. Выготского о смысловом строении сознания.

Итак, концепт смысла присутствует во многих построениях Л. С. Выготского, можно даже сказать, что он является центральным в его теории. А понятие смысла, если и подразумевается, то оно слишком неопределенно, что и вызывает разночтения его трудов и ощущение недосказанности. Еще раз скажем, Л. С. Выготский в этом не одинок. Такая ситуация характерна не только для психологии, но и, осмелимся утверждать, для всего гуманитарного знания.

Многие вербальные и даже по-своему логичные определения придают тайне смысла видимость понятности. Именно это и заставляет обращаться к метафорам или, простите за тавтологию, к смыслообразам смысла. Обращение к метафоре как бы снимает иллюзию понятности, показывает недостаточность, порой банальность определений, возвращает к тайне смысла, вызывает желание прикоснуться к ней, сделать ее более ощутимой. Метафоры и смыслообразы помогают оживить существующие концепты или понятия смысла. Путь к живому понятию, представляющему собой своего рода интеллигибельную материю, лежит через живую метафору. В конце концов метафора облегчает понимание, а без последнего невозможно добывание пригодного для чего-либо знания.

Чтобы понять нечто, нужно выйти за его пределы. Буквальное значение метафоры в переводе с греческого — тележка. Тележка перевозит груз из пункта А в пункт Б. В. Л. Рабинович обратил внимание на то, что в случае метафоры пункты (объекты) А и Б находятся в разных семантических пространствах. Груз, который «перевозит» метафора, есть смысл. Нечто А наделяется и обогащается смыслом некоего другого Б. Значит, метафора есть средство обмена, расширения, углубления смысла. При этом перенос смысла не нарушает целостности крайних членов, связываемых метафорой.

Значение метафор в науке неоспоримо, тем не менее специально приведем некоторые высказывания, представляющие общекультурный интерес и предназначенные не только для особо озабоченных понятийной строгостью науки читателей.

Б. Л. Пастернак: «Метафоризм — стенография большой личности, скоропись ее духа. Наше дело — понимать метафоры и, по

возможности, их расшифровывать». О. Э. Мандельштам: «Земля гудит метафорой»; «Я сравниваю, значит, я живу, — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение»⁸. Конечно, метафора больше, чем сравнение. В ней присутствует и элемент озарения. Она имеет более глубокую и богатую внутреннюю форму. Об этой форме и ее основаниях говорил Г. Г. Шпет: «Метафора, сравнение, олицетворение, сопоставление привычного с непривычным и обратно и т. п. — все это имеет свои основания и также онтологические, только предмет этой онтологии — само слово»⁹. С. С. Аверинцев: «Когда философский термин уже стал философским термином, он тем более однозначен, намеренно фиксирован, стабилен — иначе он не был бы термином. Значит, как бытовое слово, так и термин — предметы малоподвижные, которые “знают свое место” и не дают сдвинуть себя с этого места. Но для рождения термина нужен сдвиг. Если вообразить, будто бытовое слово как таковое может стать термином, получается некое подобие Зеноновой апории о стреле: вот сейчас стрела находится в таком-то месте, в следующее мгновение — в другом месте, а когда же, как же она успела переместиться? Между бытовым словом и философским термином непременно должна лежать зона, в которой слова освобождены от жесткой связи со своим жизненным “местом”, сдвинуты с него, вышли из своих берегов, из равенства себе. Иначе говоря, это зона метафоры. Ведь философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как установленная, фиксированная, застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле»¹⁰.

П. Рикёр, развивавший теорию живой метафоры, располагал метафору на границе между психологией и семантикой и утверждал, что на этой границе осуществляется связь логического с сенсорным или вербальным с невербальным. Он рассматривал метафору как поток образов, порожденных смыслом, как развер-

⁸ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 161.

⁹ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 447.

¹⁰ Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Под ред. С. С. Аверинцева. М., 1979. С. 51—52.

тывание смысла в образы, в том числе в вербальные иконические знаки. Иконичность при этом предполагает контроль над образом со стороны смысла, а также использование «живописной» потенции языка. Рикёр, ссылаясь на Л. Витгенштейна, связывает метафору с феноменом «видеть как». Объяснить метафору — это значит перечислить значения, в рамках которых образ *видится как* смысл. «Видеть как» — это интуитивное отношение, удерживающее вместе смысл и образ. «Видеть как» есть действие, потому что понять — это значит нечто сделать¹¹. Точнее было бы сказать, что метафорический образ содержит в своей внутренней форме действие и слово, вместе с их смыслами, находящимися в их внутренней форме, т. е. как бы во внутренней форме второго порядка. П. Рикёр заключает свой анализ: «Таким образом, “видеть как” выполняет в точности роль схемы, объединяющей *пустой* концепт и *слепое* впечатление; будучи полумыслью, почувством, оно, это действие-чувство, соединяет ясность мысли с полнотой образа. Невербальное и вербальное, тем самым, тоже оказываются тесно связанными между собой — в рамках образной функции языка»¹². Заметим только, что «Образ, как и понятие, не воспроизведение, не репродукция и, соответственно, “воображение” — не “восприятие” и не “представление”. Оно *между* представлением и понятием. Оно должно быть сопоставляемо с “допущением” (по терминологии Мейнонга)»¹³. «Допущение», гипотеза — это и есть *видеть как*. Разъяснение Шпета весьма важно: нахождение живой метафоры — это путь к исследованию, а не замена его.

Поскольку, — по мнению Рикёра, — метафорический смысл выращивается в толще образов, интересно посмотреть, какие образы стоят за самим концептом смысл. Не является ли этот, широко используемый концепт пустым? Каковы тело, плоть и *лицо смысла* (метафоры М. М. Бахтина) в психологии? Насколько его лицо выразительно и вразумительно? Не подобно ли тело смысла звучащей и говорящей плоти русского языка, о которой писал Мандельштам? Каков фасон словесных одеяний мысли или поэтический костюм мысли (метафора Г. Г. Шпета)? Какова стилистика,

¹¹ Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 435—455.

¹² Там же. С. 452.

¹³ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 265—266.

образующая методологическую целостность психологических концепций? Насколько мысль отвечает чутью, вкусу, насколько она эстетична?

Сначала скажем о широте использования понятия смысл за пределами теории Л. С. Выготского. А. А. Ухтомский включил смысл в определение жизни: Жизнь — требование от бытия смысла и красоты. Имеется смысл поведения и деятельности. Поучительно, что для физиолога и биомеханика Н. А. Бернштейна понятие «смысл» было ключевым при создании им теории построения движений. Смысл витает над задачами: двигательными, перцептивными, мнемическими, умственными и пр. Видимо, поэтому его теория получила существенно больше распространение среди психологов, чем среди физиологов. Тем более что он, в отличие от последних, не чурался и понятия «образ».

Наряду с биологическим, жизненным, есть и личностный смысл (А. Н. Леонтьев). Есть надличностный, или сверхличностный смысл (К. Юнг). Смысл выступает в явной и скрытой формах. А. Н. Леонтьев однажды назвал смысл главной единицей анализа психики, собиравшись это аргументировать, но потом оставил эту идею, ограничившись тем, что сделал смысл одной из образующих сознания (наряду со значением и чувственной тканью).

Ф. Е. Василюк, анализирувавший преодоление критических ситуаций (потеря смысла, жизненный крах), пришел к заключению, что обретение нового смысла возможно в деятельности переживания¹⁴ (работа печали, — по З. Фрейду). Это весьма правдоподобно, тем более что переживание, — согласно Выготскому, — представляет собой единицу анализа сознания и, видимо, забытую А. Н. Леонтьевым образующую сознания. Близка к переживанию и деятельность понимания. Понимание при внешнем и внутреннем диалоге обеспечивается двумя противоположно направленными процессами — процессами означения смысла и осмысления значений¹⁵. Для изображения взаимоотношений значений и смыслов подходит лента Мёбиуса. В процессах понимания ли, мышления ли указанные процессы-действия переходят друг в друга. На внешней стороне ленты может быть значение, которое в результате

¹⁴ См.: Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.

¹⁵ Зинченко В. П. Психологические основы педагогики. М., 2002.

осмысления превращается в смысл и становится внутренней стороной той же ленты. Аналогичное происходит в итоге означивания смысла: по-новому осмысленное значение становится внешней стороной ленты Мёбиуса.

В попытках определения понятия (или характеристики феномена) «смысл» его соотносят со значениями, символами, духом (порой идентифицируют с ними), а также с потребностями, мотивами, целями, ценностями, установками, позициями, ориентациями, направленностью индивида. Объективированный смысл, наряду со знаком, словом, символом, ликом, рассматривается как носитель идеальной формы, средство (медиатор) развития и личностного роста¹⁶.

Философы рассматривают смысл как «внеположенную сущность феномена, оправдывающую его существование, связывая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей»¹⁷. Разумеется, в таком общем виде эта универсальная категория может быть приложена в анализе научно-познавательной деятельности и к социокультурным детерминантам познания, т. е. также может выступать как способ осмысления научно-познавательной деятельности и, по сути, таковой и является. Смысл знания, с этой точки зрения, задается внешними социокультурными целями и внешним социокультурным «порядком вещей». Этим и исчерпывается. Однако ни о каких тогда собственных основаниях целостности знания, собственном смысле знания как такового речи быть не может. Даже если они и не отрицаются, сказать о них нечего. Апелляция же к собственным смысловым характеристикам знания ориентирует рассмотрение на его имманентные формы выражения. И лишь через призму языка как средства общения в культуре научного сообщества и, прежде всего, через его знаковую природу она обращает такое рассмотрение к учету социокультурных контекстов познания. Знание здесь рассматривается как социальный и культурный феномен в качестве выра-

¹⁶ Зинченко В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.

¹⁷ Шрейдер Ю.А. Смысл / Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.3. М., 2000. С. 576.

женного в языке знания о мире, т. е. о чем-то таком, что социумом и культурой не является. Язык фиксирует в своих стилистических особенностях смысловую специфику знания как такового, как особого социального и культурного феномена — прежде всего, как знака мира. А «знак не только указывает на нечто, он еще и высказывает кое-что об этом нечто. Вот это высказывание и есть смысл знака, который вводит указываемые предмет или обстоятельства в общий порядок вещей и событий. Тем самым обозначение чего-то данным знаком из окказионального превращается в необходимое как вытекающее из смысла этого знака. Этот смысл внеположен знаковой ситуации. Он связывает акт обозначения с системой языковых смыслов — делает этот акт семантически правомочным»¹⁸.

Из этого беглого и неполного перечня следует, что смысл пронизывает, пропитывает все разделы психологии и психологам впрямую если и не сказать, вслед за поэтами-акмеистами: мы смысловики, то признать, что мы испытываем тоску по смыслу. Нам меньше всего хотелось бы иронизировать по этому поводу. Напротив, глядя на историю психологии с птичьего полета, приятно сознавать, что она постепенно переходит от таких главных своих слов, как «ассоциация», «гештальт», «установка», «операция», «поведение», «деятельность» к слову «смысл».

А. Н. Леонтьев в свое время дал операциональное определение, скорее характеристику смысла как отношения мотива к цели. Одна из первых попыток измерить это отношение была предпринята П. И. Зинченко¹⁹. В 40-х гг. XX в. он, изучая память, варьировал силу мотива и содержательность, осмысленность мнемических задач. Результаты получились вполне значимые: сильная мотивация при бессодержательной задаче дает такие же низкие показатели запоминания, как слабая мотивация при осмысленной задаче. Известны тесты, например, измерения смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев). Но это исчезающе мало по сравнению с продемонстрированной шириной использования культурного концепта «смысл». Обратимся к вариантам метафорической конкретизации этого концепта и некоторых соотносимых с ним психологических феноменов.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.

* * *

Метафора пропасти смысла. Эта не слишком оптимистическая метафора принадлежит Э. Гуссерлю. «Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла»²⁰. Хотя метафоре почти 100 лет, нельзя сказать, что эту пропасть удалось преодолеть или заполнить. Может быть не все так безнадежно, особенно если поверить О. Мандельштаму:

Это зренье пророка подошвами
Протоптало тропу в пустоте.

Такие тропы удавалось торить или проторять и ученым. Психологам лишь постепенно удается заполнять смысловые пропасти между стимулами и реакциями, знанием и действием, аффектом и интеллектом, обучением и развитием, сознанием и деятельностью. Успех в этом деле определяется тем, насколько они удаляются от механистически и статистически понятого детерминизма и приближаются к пониманию явления (концепта) свободы. Свободы, подчиняющейся внутренним или собственным смыслам и порывам. По сравнению с *пропастью смысла* более оптимистически звучит образ *мира человеческих смыслов*, который, как и всякий мир, неисчерпаем. «Облегченной» версией метафоры пропасти является хорошо известный *смысловой барьер*, возникающий при решении проблемы, в общении между людьми и т. п.

Метафора семиосферы. Принадлежит Ю. М. Лотману. Он отличал семиосферу от ноосферы В. И. Вернадского, которая имеет материально-пространственное бытие. Семиосфера, хотя и имеет в качестве первоэлемента знак или знаковый коммуникативный акт, является, — по Лотману, — абстрактной. Он понимал под семиосферой не только совокупность знаков или текстов-кирпичиков, а «то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса»²¹. Семиосфера структурно неоднородна, имеет свои границы, являющиеся областями усиленного смыслообразования. Структурные ядра на периферии семиосферы могут переме-

щаться в ее центр, а бывшие в центре — на периферию. «Внутреннее разнообразие семиосферы подразумевает ее целостность. Части входят в целое не как механические детали, а как органы в организм»²². Мы и далее будем встречаться с размышлениями об органическом бытии смысла. Важно также, что связи между частями семиосферы сложны и отличаются высокой степенью деавтоматизации, а, следовательно, непредсказуемости. И наконец, заключение Лотмана: диалог — основа всех смыслопорождающих процессов.

Поиски путей смыслового сжатия, схематизации, «оформления знаний в свою аббревиатуру» (Гегель) сопутствуют истории образования и науки. Семиосфера — один из возможных образов такого сжатия, напоминающий *globus intellectualis* Г. В. Лейбница. Своя версия «семантического глобуса» была и у Л. С. Выготского. Географическая метафора помогла ему уяснить взаимную смысловую методологическую зависимость понятий между собой. *Долготой* понятия он обозначает место, занимаемое им между полюсами крайне наглядной и крайне отвлеченной мысли о предмете. *Широтой* — место, занимаемое им среди других понятий той же долготы, но относящихся к другим точкам действительности. Долгота и широта понятия вместе дают представление о понятии с точки зрения заключенного в нем акта мысли и представленного в них предмета²³. Место (узел) понятия, определяемого его долготой и широтой, характеризует как меру общности данного понятия, так и его смысл.

Обратим внимание на то, что рассмотренные пространственные метафоры смысла: пропасть, барьер, мир, семиосфера предусматривают его объективное существование. Несмотря на соблазн, мы бы не спешили идентифицировать пространственные и рассматриваемые далее «сетевые» метафоры с Интернетом. Приведенные образы смысла действительно на все времена и превосходно подчеркивают тайну смысла и должны быть отправными для дерзающих прикоснуться к ней. От пространственных метафор перейдем к формам существования смысла.

Метафора паутины смыслов. Принадлежит Максиму Веберу: человек — это животное, находящееся в паутине смыслов, которую он сам соткал, добавим, из своего собственного бытия. Добавление

²² Там же. С. 16—17.

²³ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 274.

²⁰ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 11.

²¹ Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Таллин, 1992. Т. 1. С. 13.

соответствует утверждению Г. Г. Шпета о том, что смысл укоренен в бытии. Смысл настолько укоренен в бытии, что с точки зрения М. М. Бахтина даже порождает его, движет жизнь и бытие. Это не противоречие между взглядами Г. Г. Шпета и М. М. Бахтина. Просто целесообразно рассматривать бытие и смысл (сознание) не как две разные вещи (сущности), а как единый континуум (М. К. Мамардашвили). Это же относится и к излюбленной проблеме психологов — взаимоотношения сознания и деятельности. На самом деле, сознание деятельно, а деятельность осмысленна, омысленна, сознательна. Другой вопрос, насколько и как они взаимопроникают друг в друга? Возможно ли вымечтанное психологами единство сознания и деятельности? Важно, что их изолированное бытие невозможно. Это понимали и С. Л. Рубинштейн, и А. Н. Леонтьев.

Вернемся к метафоре Вебера. Если прочесть ее буквально, возникает вопрос, а как смысл, представляемый как паутина, может нечто двигать? Ведь она сама, как и смысл, колеблется, трепещет, вибрирует. С чем резонируют такие вибрации? Вспомним, что Н. А. Бернштейн для характеристики живого движения и, разумеется, независимо от М. Вебера, использовал ту же метафору паутины (на ветру). Эта метафора напоминает и «парящее действие» Новалиса. Исследования Н. А. Бернштейна показали, что каждое движение неповторимо, как отпечаток пальца, что упражнение — это повторение без повторения, что движение не повторяется, а каждый раз строится. Разброс между однотипными движениями неустраним и наложенные друг на друга, они, действительно, похожи на паутину. Значит, одна и та же цель достигается разными путями (траекториями) и все они могут быть равноэффективны. Но обязательным условием эффективности является, — согласно Н. А. Бернштейну, — наличие смысла двигательной задачи. Физиолог и биомеханик постулировал необходимость наличия смысла, не уточнив, «как он выглядит».

Как паутину на ветру можно представить и образы (кинестетический, зрительный), регулирующие осуществление движений и действий. Зрительный образ как бы парит, реет, дышит, меняется, вибрирует. Его формирование, не в меньшей степени, чем построение движений, подчинено смыслу перцептивной задачи. С накоплением опыта решения двигательных задач пространство становится функциональным, образуется моторное или действенное поле. С накоплением опыта решения перцептивных задач

оптическое поле становится полем феноменальным, смысловым. Выражаясь словами В. Келера, человек перестает быть рабом зрительного поля, выходит за его пределы. Это оказывается возможным благодаря свободному намерению (К. Левин), т. е. помыслу, замыслу, возможно, умыслу.

Подвижны не только моторика и перцепция. Единственны и неповторимы эмоции во всяком отдельном случае их протекания²⁴. Столь же подвижны процессы узнавания, памяти с ее неизбежными реконструкциями при воспроизведении. Подвижно и мышление, что хорошо известно на опыте. Давно ушел в прошлое и постулат о ригидности проторенных путей (маршрутов) в нервной системе. Около 70 лет тому назад Бернштейн предположил, что и нервные процессы, обеспечивающие восприятие и действие протекают по типу нелокализуемого качественного динамизма. Близкую к паутине аналогию используют и нейрофизиологи, утверждающие, что в живом организме сеть дендритов подвижна как ветки дерева при легком ветре. И только благодаря подвижности и избытку степеней свободы, которыми обладают смысловая, моторная, перцептивная, — в широком смысле слова когнитивная, — аффективная и нервная системы, мы получаем в итоге точнейшие движения и действия. Как силовые, так и легчайшие, исполненные грации, красоты и смысла. Иное дело, что пока мы замещаем наше непонимание механизмов этого чуда символами, например, душой исполненный полет, или словами: порядок из хаоса, синергия, резонанс, гетерогенез и т. п. Но постепенно, с каждой новой колеблющейся паутиной тайна построения действия становится все более осязаемой. И все более очевидной становится ведущая роль «паутины смысла» в интеграции всех механизмов построения и регуляции актов поведения и деятельности. Было бы преувеличением сказать, что смысл с самого начала присутствует в биодинамической и в чувственной ткани живого движения и образа. Ведь смысл — искомое. Более точно сказать, что живое движение — это есть ищущий себя смысл. Именно в этом состоит главное отличие живого движения от механического. И оно порождает и определяет все остальные отличия²⁵.

²⁴ *Выготский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 94.

²⁵ *Гордеева Н. Д.* Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

Даже найденный смысл в своем чистом виде неуловим. Он тут же переливается в операциональное, перцептивное, а затем и в вербальное значение, в значение совершающихся актов поведения и деятельности. Он в них не исчезает, а скрывается под их покровом и составляет проблему для желающих понять такие акты.

Исследование процессов извлечения или придания смысла представляет собой серьезную проблему и для когнитивной психологии. Б. Спиноза когда-то сказал, что память — это ищущий себя интеллект. При микроструктурном анализе кратковременной зрительной памяти с помощью искусственной экспериментальной процедуры был обнаружен функциональный блок семантической обработки информации, находящийся после сенсорного регистра, иконической памяти, блока сканирования... Дальнейшие исследования показали, что по мере совершенствования системы переработки информации применительно к тому или иному предметному содержанию, блок семантической обработки таинственным образом перемещается на первое место и начинает определять работу всей системы. Она из мнемической превращается в интеллектуальную.

Метафора кровеносной системы смысла. Принадлежит Г. Г. Шпету, в творчестве которого понятие «смысл» было доминирующим. Он не устал подчеркивать динамичность смысловой системы. Слово у Г. Г. Шпета, как и у Л. С. Выготского, связано с разумом, с мышлением. Слово уподобляется организму (ср. с метафорой Н. А. Бернштейна: движение — живое существо), а смысл в структуре слова приобретает органическое бытие. Метафора смысла как наполнения кровеносной системы вполне может конкурировать с рассмотренной выше метафорой М. Вебера. Обе метафоры весьма продуктивны и дополняют одна другую. Если позволить себе немного пофантазировать, то можно задаться вопросом о том, как созданная человечеством паутина объективных смыслов трансформируется и наполняет смысловую кровеносную систему духовного организма отдельного индивида? Как «внешний» смысл становится внутренним или собственным смыслом индивида? Как сообщаются, взаимодействуют, взаимообогащаются обе смысловые системы? Как перцептивное поле становится полем смысловым и т. п. Кровеносная система смысла может закупориваться, склеротизироваться. Метафора открывает и другие возможности понимания.

У Шпета можно встретить еще одну важнейшую метафору смысла: смысл — *диалектический аккумулятор мыслей*. Эта метафора похожа на *трансцендентальный привод* О. Мандельштама, обеспечивающий передачу (распространение) энергии смысла. Поскольку, всякая не пустая мысль есть мысль о смысле, то справедливо и обратное: мысль есть такой же аккумулятор смыслов. От склublения смыслов недалеко до ядер семиосферы, о которой позднее писал Ю. М. Лотман.

Метафора смысловой волны. Принадлежит О. Мандельштаму. Характеризуя внутреннюю форму слова, Г. Г. Шпет большое внимание уделяет динамичности логических смысловых форм. Проиллюстрируем эту динамику описанием рождения смысла поэтической речи, имеющемуся у его *вольного или невольного (!)* единомышленника — О. Мандельштама. Общими были у них не только мысли, но и судьба. Поэт погиб в Гулаге через год после убийства Г. Г. Шпета. Характеризуя орудийную поэзию Данте и отличая ее от внешней поясняющей образности, О. Мандельштам пишет: «Смысловые волны-сигналы исчезают, исполнив свою работу: чем они сильнее, тем уступчивее, тем менее склонны задерживаться... Качество поэзии определяется быстротой и решимостью, с которой она внедряет свои исполнительские замыслы-приказы в безорудийную словарную, чисто количественную природу словообразования. Надо перебежать через всю ширину реки, загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками — так создается смысл поэтической речи. Его, как маршрут, нельзя восстановить при помощи опроса лодочников: они не расскажут, как и почему мы перепрыгивали с джонки на джонку»²⁶. В другом месте поэт говорит: *Световые волны прорезаются как зубы*. Возможно, смысловые и световые волны представляются поэтом как метафоры друг друга. И те и другие обладают порождающими свойствами. Если это действительно так, то смысл несет орудийную функцию, является средством-медиатором, разумеется, оставаясь при этом смыслом, со-мыслью и, подобно символу — тайной. Хотя поискам лежавших в основе творчества, а затем воплотившихся и рассеявшихся в его результатах свето-смысловых волн-сигналов многочисленные комментаторы великих произ-

²⁶ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 109.

ведений искусства посвящают объемистые труды, согласие между ними достигается крайне редко. Их авторы об этом лишь догадываются:

Мои слова печальны. Знаю.
Но смысла вам их не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать.

М. Лермонтов

В высказываниях поэтов мы находим мысли о главенствующей роли смысла в творчестве и при этом замечательные описания неувловимости смысла, уподобление его *невидимым волнам-сигналам*, своего рода редукцию волновой функции. Коль скоро пошла речь о физических аналогах смысла, то, наряду с волнами, должны появиться и кванты. Пока такое предположение преждевременно. В живом движении Н. Д. Гордеева, действительно, обнаружила волны и кванты, но ее данные говорят о том, что носителем смысла является волна, а не квант. Если не о квантах, то о каплях смысла говорил А. Белый.

Метафора радуги смысла. А. Белый протестовал против существования абстрактной истины и настаивал на ее динамичности: «процесс нарастания смысла непрерывен, текуч; в нем отдельные смыслы суть капли; радуга возникает из них; это — смысл. Или истины нет, или истина — жестикюляция смыслов. Учение о динамической истине предполагает ее как текучую форму, как *форму в движении*; представление *о форме в движении* — представление об организме; организм — текучее многообразие в нераздельном; элементы же ее вне ее суть пустые застылые формы...»²⁷. Об истине, как о текучей форме писал и В. Набоков в «Даре»: «Властители дум понять не могли живительную истину Гегеля: истину не стоячую, как мелкая вода, а, как кровь, струящуюся в процессе познания»²⁸. Мы вновь сталкиваемся с поисками тайны смысловой природы творчества. Существенно, что А. Белый говорит о форме в движе-

нии, о жестикюляции смыслов. Выше говорилось о живом движении, как об ищущем себя смысле. Это же относится к предметному действию, в особенности к *действию творящему* (выражение В. В. Кандинского). А. Туфанов в 1924 г., характеризуя эстетику ОБЭРИУтов (Объединение реального искусства), писал о своеобразии работы со смыслами его представителей. Их общая задача состояла в расширении и углублении смысла предмета, слова и действия. Д. Хармс сосредоточивал внимание «не на статической фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях. В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла. Действие, перелицованное на новый лад, хранит в себе «классический» отпечаток и в то же время — представляет широкий размах обэриутского мироощущения»²⁹. Сказанное относится и к столкновению словесных смыслов в поэзии, которое, — по словам А. Туфанова, выражает смысл предмета с точностью до механики³⁰. В том же 1924 г., когда появилась его книга, начались публикации первых исследований Н. А. Бернштейна, которого поражала удивительная точность живого движения; оно осуществляется кинематической системой, имеющей огромное число избыточных степеней свободы.

Аналогичное происходит и с образами. С. М. Эйзенштейн при киномонтаже сталкивал образы для получения не только нового, но и точного смысла. Н. Заболоцкий использовал для этого столкновение слов (та же жестикюляция смыслов). Д. Хармс почти персонифицировал смыслы: «Разбуди меня сильного к борьбе *со смыслами*». Бороться можно с равным. Персонифицировал смысл И. Северянин, без ложной скромности чувствовавший над ним свое превосходство:

Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

²⁷ Белый А. О смысле познания. М., 1991. С. 24.

²⁸ Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 219.

²⁹ Туфанов А. К Зауми. Фоническая музыка и функция согласных фонем // Rosyjskie kerunki literackie przełom 19 i 20 wieku. Warszawa, 1982. С. 558.

³⁰ Там же. С. 584.

Метафора облака смысла. Принадлежит Г. П. Щедровицкому. После волны, капли, радуги смысла следует ожидать облака смысла. У Л. С. Выготского встречается облако мысли, а Г. П. Щедровицкий говорит об облаке смысла. Выготский, характеризуя внутреннюю речь, говорил об испарении речи в мысль. Такие *испарения*, в его логике, видимо, и образуют облако, которое потом *проливается дождем слов*. Щедровицкий был склонен идентифицировать смысл с полем понимания в коллективной, мыслительной деятельности, в котором он рождается. Из общего «смыслового облака» понимающей и мыслительной работы выделяются *идеальные объекты мысли*, которые затем фиксируются в материале знаковых схем³¹. По сути дела, подобное «смысловое облако», включающее в свой состав разные смыслы от ситуативных до личностных и сверхличностных витает не только над мыслительными, но и над любыми другими задачами, решаемыми человеком. Джон Апдайк восхищался тонким приемом возгонки, с помощью которого И. Бродский из жизненного опыта добывает драгоценный смысл. Образ возгонки точнее, чем образ испарения и тоже наводит на мысль об облаке, *ауре смысла*.

Обратим внимание на то, что некоторые метафоры смысла, приведенные выше, хорошо корреспондируют между собой. Мы их можем «видеть как»: над пропастью смысла, благодаря то ли испарениям, то ли возгонке, поднимается облако смысла, которое проливается каплями смысла. Внезапное озарение порождает и радугу смысла, соединяющую края пропасти. Мир воспринимается индивидом сквозь сотканную им собственную паутину смыслов. Дело происходит так, как изображено на картине К. Хокусаи «Фудзи сквозь паутину». Художник для изображения восприятия священной горы использовал паутину то ли как символ смысловой сферы наблюдателя, то ли как символ духовной ауры, окутывающей Фудзюму. А может быть в паутине сходятся оба возможные смысла.

Все вместе можно назвать собирательным образом жизни смысла или его различных воплощений. Этот динамический собирательный образ смысла соответствует его текучей, динамической природе.

³¹ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 281.

Метафора растения-смысла. Принадлежит А. Белому. Хотя он сформулировал ее в контексте проблемы смысла познания, она имеет непосредственное отношение к тайне творчества: «Учение о динамической истине нам меняет и самое представление о мысли: смыслы истин — растения; учение о статической истине уподобляемо отношению к зерну: зерно истины, данное как понятие, преждевременно потребляется нами; если бы мы посадили его, то оно — проросло бы ростком многозернистого колоса; зерна колоса проросли бы пучком; от пучка всколосилось бы поле; бескорыстное отношение к истине множит круг ее жизни; определение ее не в зерне, а во множестве зерен. Истина “А” не в зерне: в ритме зреющих зерен...»³²

Метафора растения близка К. Юнгу, который уподоблял произведение, находящееся *in statu nascendi*, живому существу, дереву, забирающему из почвы нужные ему соки, ребенку в материнской утробе, автономному комплексу души и т. п. В основе замысла произведения лежат праслово, праобраз или архетип, которые К. Юнг наделяет стихийными силами. Иногда он идентифицирует эти образования со *сверхличностным смыслом*, который бывает выше художника, его способности осмысления и чувствования. Да и под символом К. Юнг понимает возможность какого-то еще более широкого, более высокого смысла за пределами нашей сиюминутной способности восприятия и намек на такой³³. Аналогичную гипотезу образа-ростка, «образа-организатора» (в биологическом смысле) интересно развивали Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдер³⁴. Но в отличие от А. Белого и К. Юнга, авторы, следуя за Л. С. Выготским, наделяют эти образы значением, а не смыслом.

Метафора пути и поиска горизонта по вертикали. Что касается метафоры смысла, как пути, его ориентации, направленности, то она широко распространена, как говорится, «слова народные». К этой метафоре следует добавить непременно требование М. Бахтина. Поиск смысла бытия может быть эффективным лишь тогда, когда признается мое единственное место в бытии: «Смысл бытия, для которого признано не существенным мое единственное ме-

³² Белый А. О смысле познания. М., 1991. С. 24.

³³ Юнг К. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992. С. 108—120.

³⁴ Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 79—91.

сто в бытии никогда не сможет меня осмыслить, да это и не смысл бытия-сознания»³⁵.

Удивительно точный образ поиска *горизонта по вертикали* принадлежит И. Бродскому. Поэт как-то обронил фразу, что жизнь есть сумма мелких движений. Если заменить слово жизнь практически эквивалентным ему словом смысл, то можно сказать, что и смысл есть сумма мелких движений. Движений, ищущих смысл и движений, реализующих найденный смысл. Не являются исключением и движения души. Живое движение замечательно тем, что его характеризует не только перемещение в пространстве и времени. Его характеризует претерпевание, ощущение собственной, в том числе порождающей активности. Живое движение — это творящее движение, творящее собственное пространство, время и смысл (активный хронотоп, — по А. А. Ухтомскому и М. М. Бахтину). Живое движение, благодаря найденному смыслу, преодолевает пространство и время, овладевает этими суровыми определениями бытия. И. Бродский подметил замечательную особенность живого движения:

по плоскости прокладывая путь,
я пользуюсь альтиметром гордыни...

и таким образом его я отыскивает свой *горизонт по вертикали*. Найденный смысл становится вертикальным измерением психологического времени, а, соответственно, и бытия. Некоторые его называли четвертым, некоторые — пятым измерением бытия. Хотя его должно назвать первым. Повторим, что акт открытия, обретения, *впадения в понимание* (М. К. Мамардашвили) смысла остается таинственным. Настолько таинственным, что Т. Элиот связывает его с *мигом времени не из времени*. Но это такой *миг времени*, «*которым сотворено время то, что зовут историей*». Такими мигами творится и время, которое зовут личной историей, или биографией: *Моя душа — мгновений след*, — сказала М. Цветаева. *Мгновений, становящихся откровениями* (Р. М. Рильке).

Метафора лица смысла. Принадлежит М. М. Бахтину. Она как и предыдущая тесно связана с будущим временем: «Мое определение

³⁵ Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 2003. С. 19.

самого себя дано мне (вернее, дано — как заданность, данность заданности) не в категориях временного бытия, а в категориях еще-не-бытия, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем, враждебном всякой наличности моей в прошлом и настоящем. Быть для себя самого значит еще предстоять себе (перестать предстоять себе, оказаться здесь уже всем — значит духовно умереть)»³⁶. М. М. Бахтин настойчиво отодвигает смысл в будущее: «Мир моего смыслового будущего чужероден миру моего прошлого и настоящего <...> Я — в своем смысле и ценности для себя самого — отброшен в мир бесконечно требовательного смысла»³⁷. Лицо смысла — это противостоящий и предстоящий бытию смысл. Если внутреннее бытие противопоставляет себя смыслу как самостоятельную ценность, становится самодовлеющим и самодовольным перед лицом смысла, то этим оно впадает в глубокое противоречие с самим собою, в самоотрицание, становится ложью: бытием лжи или ложью бытия»³⁸.

Не углубляясь далее в учение М. М. Бахтина о смысле, можно сказать, что его пафос в необходимости выработать доминанту души на лицо смысла. У М. М. Бахтина мы встречаем отождествление смысла и духа. А согласно А. А. Ухтомскому, одной из главных доминант души является внимание духу. Еще один императив Ухтомского — доминанта на лицо другого. Объединяя взгляды двух мыслителей — А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина, можно сказать: с того момента, как открывается лицо другого и лицо смысла (иногда они совпадают), сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице.

* * *

Мы не ставили задачи исчерпать все имеющиеся метафоры смысла. Это столь же трудно, как исчерпать все имеющиеся трактовки понятия «смысл». Да это и не нужно. Исчерпать понятия и метафоры смысла — значит убить его. Ибо «сказанное слово — смертная плоть смысла»³⁹. Его оживляет живая метафора. Поэтому

³⁶ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 2003. С. 194.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 195.

³⁹ Там же. С. 202.

метафоричность — неотъемлемое свойство любого речевого мышления, в том числе научного, а не только поэтического.

Наряду с перечисленными мягкими, живыми, прозрачными, имеются и метафоры твердые, жесткие, например, смысловый стержень, смысловой каркас, смысловой конструкт, упомянутый выше смысловой барьер, смысловой фундамент, которые заслуживают отдельного разговора. Из этого класса метафор остановимся лишь на одной. Это метафора смысла-камня, который презрели строители и который должен стать во главу угла (Л. С. Выготский во главу угла поставил практику и философию). Для смысловиков-акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов, — писал О. Мандельштам. Для него смысл выступал как поэтическая материя; Д. А. Леонтьев говорит о смысловой ткани (еще одна «мягкая» метафора), которую он ставит в один ряд с биодинамической и чувственной тканью. О. Мандельштам говорил об акмеистах: «...Мы вводим готику в отношения слов, подобно тому как Себастьян Бах утвердил ее в музыке». Поэт вспоминает Владимира Соловьева, которого волновало «немое красноречие гранитной глыбы» и дает свое понимание известных строк Ф. Тютчева: «Но камень Тютчева, что “с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой, иль был низвергнут мыслящей рукой”, — есть слово. Голос материи в этом неожиданном падении звучит как членораздельная речь... Акмеисты с благодарностью поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания.

Камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем способность динамики — как бы попросился в “крестовый свод” — участвовать в радостном взаимодействии себе подобных»⁴⁰.

Не последовать ли психологии примеру акмеистов и не положить ли камень — камень-смысл в «крестовый свод» своего вечно строящегося здания? Надеемся, что мир как воздух *бескорыстного смысла* (Б. Пастернак), открывающийся в его словообразах и метафорах будет способствовать этой уже ведущейся работе.

Проект «органической» психологии: от культурно-исторической психологии к культурно-историческому подходу

Первым, кто обратил внимание на то, что Выготский создал основы совершенно новой неклассической психологии, был Д. Б. Эльконин. Он усматривал ее истоки в «Психологии искусства» Выготского. «Продланное Львом Семеновичем — писал он — имеет глубокий психологический смысл: разрабатывая свой подход к анализу художественных произведений, Выготский вместе с тем создал основы совершенно новой, я бы сказал, неклассической психологии, сущность которой состоит в следующем. Первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т. е. эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования... Я называю это неклассическим подходом к психологии... Только вполне ориентируясь в сути такой психологии, можно по-настоящему понять и оценить подлинный вклад Л. С. Выготского в постановку и разработку проблем, связанных с ролью символа-знаковых систем в становлении человеческого сознания, с определением содержания и функций знаковых операций в этом процессе»¹. Именно эта идея Эльконина заставила нас задуматься о том, как одним словом выразить «неклассичность» культурно-исторической психологии. Речь идет не о переименовании этого привычного и устоявшегося названия. С языком не поспоришь, да у нас и нет такой претензии. Но использование эпистемологической метафоры может оказаться эвристически полезным для выявления продуктивности культурно-

⁴⁰ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 169.

¹ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 477—478.